

НЕ ПРИСПЕЛА еще пора, да и бряд ли когда-нибудь она приспее, для безмятежных реляций о том, что на критической Шипке все спокойно. И сегодня все еще порой приходится сталкиваться и с субъективизмом в истолковании конкретных литературных явлений, и с отступлением от социальных критериев эстетического анализа, и с фактами примиренчества с серостью и ремесленничеством, и с пресловутой, набившей оскомину комплиментарностью. Тем не менее, справедливо сетуя на все эти недостатки нашей критики, было бы большой ошибкой не видеть того, что в целом она, говоря языком спортивных комментаторов, заметно «прибавила». Основания для такого утверждения дают многие появившиеся в последнее время работы, отмеченные высоким и, главное, современным уровнем литературно-критического исследования. Книга Б. Панкина «Строгая литература» видится мне именно такой, какой и следует быть современной критической работе.

Название книги очень точно определяет ее содержание, предмет пристального и заинтересованного авторского внимания. Вспоминая «Строгую любовь» Ярослава Смелякова, Б. Панкин ведет речь о «стро-

гой литературе», в которой «с наибольшей полнотой находили свое отражение и воплощение основные тенденции современности, именно тенденции, а не веяния, не поветрия». Сразу же определяются главные принципы «строгой литературы», обращающей свой взор не только на победы и одоления, но и на трудности и противоречия. «Желая сказать о величии времени, она не ос-

СТРОГАЯ ЛЮБОВЬ

тановится в страхе и растерянности перед его противоречиями и не захочет сгладить их», — замечает критик. Можно, пожалуй, спорить относительно некоторых «персоналий», представленных в книге, относительно того, насколько соответствуют они взыскательным требованиям «строгой литературы», но само направление исследования, стремление поверять произведения самыми высокими критериями представляется мне наиболее эффективным.

Принципы «строгой литературы», сформулированные в своеобразном предисловии к книге — в главе «Реальности жизни и слова», последовательно развиваются, уточняются и обогащаются в других статьях и очерках. Здесь я прежде всего назвал бы своеобразные микромонографии о

Чингизе Айтматове, Валентине Распутине, Федоре Абрамове, Юрии Трифонове, Василии Шукшине. Именно в этих очерках ярче всего проявляются характерные приметы современного критического исследования. На первый план выдвигается не унылая «списочная» номенклатурность и эсэистская легковесность с ее импрессионистическими «озарениями», а глубокий анализ,

вылый и обстоятельный разбор, накопление наблюдений, внимание к малейшей детали ведут к обоснованным и отточенным выводам и суждениям. Таких суждений и выводов, порой облаченных в афористичную форму, немало рассыпано в книге Б. Панкина. Вот наудачу несколько примеров. О трилогии Ф. Абрамова: «Если Абрамов и безжалостен, то не к героям своим, а к нам,

ялся суровый, но справедливый счет во имя общей любви; родной литературы. Вот и автор рецензируемой книги, высоко оценивая, к примеру, произведения В. Распутина и Ю. Трифонова, не раз вступает в спор с ними, весьма резонно и аргументированно отмечая известную односторонность в показе тех или иных сторон жизни этими талантливыми писателями. Порой критик защищает писателя от него же самого, скажем, вступая в спор с суждениями А. Гельмана, высказанными, что называется, «открытым текстом».

Идеальное в жизни если и встречается, то встречается исключительно редко. Добрая книга Б. Панкина вызывает не только понимание и сочувствие, но и в иных своих местах возбуждает желание в чем-то и поспорить, высказать свои пожелания и претензии. Сразу же отброшу дежурное: «не все в книге равноценно». Вот и в «Строгой литературе» одни статьи и очерки удались больше, другие меньше. В конце концов нет, наверное, таких книг, в которых все было бы равноценно. Я хочу сказать о другом. «Строгая литература» не столь уж юна. Во всяком случае, ее существование не ограничивается последним десятилетием. На каждом этапе своего развития она решительно заявляла о себе, воплощая и отражая основные тенденции своего времени, смело вскрывая и исследуя его противоречия. И искренне жаль, что автор рассматривает «строгую литературу» в хронологически замкнутом пространстве, не протянув достаточно прочных нитей от наших дней в предшествующие этапы нашей общественной и литературной жизни. Сопоставление современности и прошлого позволило бы еще ярче выявить «родовые» черты «строгой литературы», показать ее своеобразие и силу.

Коль скоро существует «строгая литература», существует и «строгая критика», ибо критика — неотъемлемая часть литературы. Она, эта строгая критика, все увереннее заявляет о себе, тесня и унылое комментаторство, и ни к чему не обязывающие «всхлипы». Именно голос строгой критики и звучит со страниц книги Б. Панкина.

Б. Панкин. «Строгая литература. Литературно-критические статьи и очерки». Издательство «Советский писатель». М. 1980.

стремление проникнуть в самую суть рассматриваемых явлений жизни и литературы. Героями книги становятся не только замечательные художники и их произведения, но и сама пытливая, упорно и неуклонно проникающая в толщу «строгой литературы» мысль критика. Вот за этим героем особенно интересно следить.

Как в художественном произведении развитие сюжета неминуемо приводит персонажей к решительным действиям и поступкам, в которых с наибольшей силой и раскрываются их характеры, так и в добротной критической работе неторопли-

сегодняшним читателям, которых он заставляет до конца испытать чашу познания. Но осуществив ее, мы обнаруживаем драгоценный осадок — истинную красоту». О героях В. Шукшина: «...Особенное в героях Шукшина связано, как правило, со стремлением как-то вырваться из заколдованного круга ежедневных забот и обязанностей, рядовых потребностей. Связано... со стремлением показать себя, доказать что-то себе и окружающим — словом, подняться, возторжествовать над обыденностью, повседневностью». О роли творчества большого художника: «Иные явления в искусстве, в литературе подобны открытию геолога: то, что нашел один, разрабатывают потом многие». Я сознательно так пространно цитирую Б. Панкина, так как полагаю, что и по этим примерам читатель сможет составить представление о возможностях критика, полоненного объектом своей любви, озабоченного утверждением искусства в себе, а не себя в искусстве.

И настоящая литература, и настоящая критика равно подвластны «строгой любви». Любовь эта не имеет ничего общего с умилением, сентиментальностью и всепрощением, она постоянна и требовательна. История отечественной критики знает немало примеров, когда писателю предъяв-